

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

УДК 908 + УДК 32.019.52

РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ДЕНЕЖНУЮ РЕФОРМУ 1947 ГОДА
(НА МАТЕРИАЛАХ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2014 г. *М.Д. Новиков*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
maximnovikov3@mail.ru

Автор статьи пытается исследовать реакционные проявления на денежную реформу 1947 года, чтобы понять механизмы отношения власти и общества, а также методику построения взаимодействия населения и Советского правительства.

Ключевые слова: денежная реформа 1947, Горьковская область, реакция населения, отношения власти и общества.

Отношения власти и общества – важная и многогранная тема для изучения различными областями гуманитарного знания. Понимание психологического состояния людей, оценка предоставляемой информации населению, а также создание благоприятных социально-психологических условий жизни – одни из главных условий для проведения успешной и эффективной политики. «Действенность психологических операций в значительной мере зависит от того, как осуществляются восприятие, обработка, осмысление и усвоение информации объектом психологического воздействия» [4, с. 50]. Следовательно, государство интересуется тем, проявляется ли доверие к проводимой политике. И такое доверие можно заслужить, если государство пройдет особую, даже возможно, кризисную ситуацию.

Такой особой ситуацией мы можем назвать денежную реформу 1947 года. Послевоенное восстановление хозяйства требовало мобилизации всех возможных ресурсов. Советское правительство пошло на такой шаг, чтобы улучшить финансовые и торговые отношения в обществе через средства самого населения, вводя новые цены и новые деньги.

Соответственно, чтобы власть могла продублировать положительные формы реакции населения, необходима тщательная подготовка. Представители партийных комитетов и

финансовых отделов области проводили активную кампанию по снижению рисков в проведении реформы. При содействии Горьковской городской партийной комиссии по торговым и финансовым делам, созданной при Горьковском Обкоме ВКП (б) до проведения реформы было открыто «17 магазинов и 6 предприятий общественного питания» [11], «за каждой торговой точкой закреплено 1-2 первичных парторганизации» [12], «в качестве общественных контролёров за работой магазинов подобрано 1747 человек, с которыми проведён инструктаж» [12].

Помимо применения чисто экономических методов (ценовая политика, открытие новых торговых точек, пунктов обмена), необходимо было создание особого информационного обеспечения. Оно формировалось периодической печатью, визуальной пропагандой (плакаты, карикатуры в журналах), а также через агитационную работу на предприятиях, в учебных заведениях, колхозах и др. Предлагаемые образы, фразы и мысли были направлены на то, чтобы сформировать положительное отношение к денежной реформе. Позитивное мышление в обществе формировалось при помощи изображения благополучия советского человека – успехи в труде, успехи на международной арене; а также при помощи противопоставления капиталистическому западу через карикатуры на западных лидеров (Черчилль, Гитлер, Тру-

мен) и абстрактных представителей капитализма (толстых олигархов, торгашей и спекулянтов [10]). Сами представители региональных партийных организаций понимали всю важность проводимых мероприятий, как важного политического шага. Это было отмечено главой торгового отдела Горьковского Обкома ВКП (б) Жилиным во время закрытого совещания руководителей торговых организаций и баз о ходе подготовки торговой сети к торговле в связи с отменой карточной системы. Предстояло в наиболее краткие сроки подготовить массы к реформе, поскольку «народ ждёт, народ знает, раз перенесена отмена карточной системы на 1947 г., значит, она будет отменена» [13].

Сведения о настроениях населения собирались и обрабатывались с достаточно высокой скоростью, о чём свидетельствует количество таких архивных документов. В них отражались как экономические моменты проведения реформы, такие как цены на продукты, количество проданных товаров, так и в г. Горьком, и в области мы наблюдаем, что на промышленных предприятиях проводятся митинги, встречи и обсуждения Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Работа велась с широкими массами населения и представителями торговой сферы. Имеются сведения о количестве охваченной аудитории, участниках лекций, количестве присутствовавших на митингах на различных предприятиях. В отчётах и информации партийных организаций на различных предприятиях г. Горького и области в отдел обкома ВКП (б) часто встречаются следующие формулировки: «рабочие с горячим одобрением приветствуют постановление», «выражается глубочайшее удовлетворение мудрой политикой большевистского правительства», «исторический документ», «дальнейшее благосостояние трудящихся» и др. Нельзя не отрицать тот факт, что партийные органы использовали подобные мысли, чтобы наиболее прочно укрепить в сознании людей положительную психологическую установку. Продолжение данной мысли можно находить в таких отзывах как: «Выслушав постановление, направленное на дальнейшее повышение мощи нашей Родины и материальное благосостояние трудящихся я как бы помолодел» [14], «Только в нашей стране постоянно заботятся пра-

вительство и партия об улучшении жизни трудящихся» [15], «Снова слова Сталина не расходятся с делом» [16]. Некоторые трудящиеся иногда даже изъявляли желание написать письмо самому товарищу Сталину, чтобы отблагодарить его за мудрую и справедливую политику в отношении трудового народа. Однако источники не отражают всей полноты реакции, а также можно подвергнуть сомнению искренность высказываемых рабочими и сельским населением слов.

Это лишь небольшое количество примеров положительного отношения к политике правительства, и мы можем констатировать, что внедрение идеи в сознание проводилось довольно активно. «Целенаправленное психологическое воздействие создает такую ситуацию, в которой наличная потребность удовлетворяется предоставлением людям конкретной информации, преподнесенной определенным образом» [4, с. 35]. Однако не стоит забывать о том, что внедрение идеи в сознание не означает её абсолютного закрепления. Для получения большего эффекта от идеи её необходимо постоянно чем-то подпитывать, поэтому проводились постоянные разъяснения и встречи с гражданами. Подобные мероприятия были приурочены также к проведению агитационной кампании на выборах в Местные Советы, поэтому большинство митингов, лекций проводилось также и на избирательных участках. Разъяснение не обходилось без определённых трудностей, субъективный фактор в идеологической подготовке играл особо важную роль, и люди поставлявшие информацию не всегда могли разъяснить вопросы населения. Например, заведующая кафедрой политэкономии Горьковского индустриального института Андреева на VI партийной конференции 6-7 марта 1948 года отмечала, что даже компетентным в экономических делах людям приходилось отмалчиваться, поскольку они сами не владели информацией в полном объёме. Данное явление имело место, как в период подготовки к реформе, так и в период её проведения. «Нельзя работать по слухам, нельзя по слухам вести агитационную и пропагандистскую работу. А у нас больше всего пользуются слухами» [17]. Отсюда мы также можем отметить, что слухи были также важным источником информации для простого населения, а также мы можем понимать, что население не всегда могло делать правильные выводы, относительно поступающей информации.

Именно поэтому могли продуцироваться негативные, а также панические формы проявления реакции населения, потому что человек мог просто чего-то не знать до конца. Помимо незнания, имелись ещё также и факторы отсутствия работы агитаторов на предприятиях и в муниципальных образованиях. Зачастую парторганизаторы жаловались на то, что агитаторы и политработники не выполняют свои обязанности, редко посещают предприятия и избирательные участки, что представители высших партийных структур области (горком, обком) не контролируют и не посещают предприятия для того, чтобы ответить на насущные вопросы граждан и разъяснить некоторые проблемные ситуации: организация торговли, решения по жалобам и заявлениям о недостатках.

Данная практика довольно часто фиксируется в сообщениях партийных органов, поэтому мы можем рассмотреть её как ещё одну форму положительных проявлений реакции населения реформы. Объяснить подобные заявления и действия можно важностью трудовой деятельности, как в жизни, так и в нормах советского права. Ведь других законных возможностей решить экономические проблемы не было, а иные (нетрудовые) способы получения денег преследовались по закону. Выражения также были разными: кто-то подтверждал свои социалистические обязательства, кто-то вставал на стахановскую вахту. Подобные заявления публиковались в газетах, и мы снова подтверждаем внедрение идеи, только на этот раз эта идея заключалась в том, что чем больше человек работает в новых финансовых условиях, тем благополучнее будет его жизнь. «Набор благ, составляющий для большинства современников «предел мечтаний», оскудел настолько, что стабильная зарплата, дающая возможность прокормить себя и семью, постоянное жильё (пусть даже комната в коммунальной квартире) уже считалась подарком судьбы, настоящим счастьем» [3, с. 279]. Мотивация была в том, чтобы не было повторения войны, советскому человеку хотелось спокойствия, даже при самых заниженных требованиях.

Своих целей в этом отношении государство достигло, потому что сглаживание потрясений и количество жалоб и заявлений снижается уже к марту 1948 г. И именно в этот период правительство начинает подводить итоги проведённой реформы.

Реакция Горьковского Обкома ВКП (б) на

жалобы проявлялась в форме различных решений проблем населения. Конечно, не всегда всё выполнялось в краткие сроки, но население видело реакцию органов власти на свои проблемы и тем самым понимало, что правительство не забывает о проблемах населения.

Просьбы носили разный характер – от получения дополнительных средств и необходимых имущественных благ до вопросов о вкладах в сберегательных кассах.

Вообще письма очень часто публиковались в газетах, начиная «Правдой», заканчивая газетой сельсовета. В Горьковской области таким источником выступила газета «Горьковская Коммуна». В редакцию поступало много писем, но в печать выходили те, в которых выражается глубочайшее одобрение проводимой правительством политикой, и мы также можем делать вывод в том, что позитивные установки в периодической печати также влияли на сознание населения. Авторы разнообразны по социальному положению – от директоров фабрик, до обычных рабочих и работников колхозов. Подобного рода письма также пестрят формулировками: «благодарим товарища Сталина», «правительство заботится о благе народа», «историческая реформа» и др.

Анализируя периодическую печать, видим, что публикации первых дней после реформы обладают достаточным количеством писем для убеждения людей в правильности действий правительства, тем самым повышая к нему доверие. Но существовали письма, которые было трудно публиковать по ряду соображений. Появление их в редакции газеты «Горьковская Коммуна» отмечается спустя неделю после публикации постановления о проведении денежной реформы. В нашем распоряжении есть письмо от 25 декабря от редакции «Горьковской Коммуны» в Обком ВКП (б) о состоянии общественного мнения, и там приводится следующая информация: «После опубликования постановления в редакцию поступают многочисленные отклики от трудящихся, приветствующих это постановление... но за последние 2-3 дня редакция получает много писем, особенно из регионов области, которые сообщают о серьёзных недостатках в организации торговли» [19]. Мы понимаем, что газетные работники входят в затруднённое состояние, тем самым подтверждая, что печатники не могут противиться политике правительства в закреплении

позитивного взгляда на реформу. При этом возникает противоречие в плане откликов населению, если при этих условиях закрепилось мнение, что советское правительство не оставит несправедливую и нарушающую основы социалистического общества ситуацию без внимания.

Власть сформировала определённый имидж. «Имидж власти характеризуется представлениями, идеями и впечатлениями населения, что в значительной степени определяет их установки и действия. В зависимости от того, насколько высок и полноценен имидж органов власти, настолько и будут поддержаны населением принимаемые властью решения, что, в конечном счете, позволяет сопоставлять между собой имидж и социальную эффективность власти» [7].

Документ содержит 20 писем, представляющих разные регионы области, как районные центры, так и мелкие территориальные образования. Подобные письма вскрывали, в основном, торговые недостатки: организация торгового процесса, хамство в магазинах со стороны продавцов, недостаток хлеба, нормы выдачи продуктов, огромные очереди, случаи спекуляции. Сведения, касающиеся обмена денег и работы сберегательных касс, в данном документе не приводятся, поэтому мы можем только строить предположения по данным вопросам. Информация по операциям с деньгами и реакцией на это трудящегося народа на данный момент остаётся под грифом «секретно», рассекреченные документы предлагают нам информацию о работе касс, количеству пришедших на обмен денег, отмечается, сколько новых введено в оборот. Информация о реакциях на обмен денег достаточно скудна.

Письма людей в газету не были пустым перечислением фактов, также в них высказывались предложения, как изменить ситуацию, например, в письме т. Райгазинского из г. Горького есть предложение изменить часы работы магазинов, чтобы спекулянты не скупали все товары и не продавали их по ценам, которые не соответствовали официальным. Также сравнивают поступающую информацию с действительностью, так описывается ситуация в Володарях: «В газете читаешь, что везде идёт торговля, как в довоенное время, например, в Дзержинске, а вот в Володарях всё обстоит по-другому» [20]. Тем самым мы можем делать вывод о том, что население снова сомневается в проявлении доверия к власти.

Исходя из этого, мы можем сказать, что забота о положительном отношении к денежной реформе оказалась для государства достаточно затратной задачей, которая потребовала вложения большого количества ресурсов: творческих, административных, финансовых, потому что просочившаяся в массы информация во многом отрицательно повлияла на оценку действий правительства и снизила доверие к власти. Советскому правительству удалось во многом скрыть конфискационный характер реформы и сработать на том, что все мероприятия реформы направлены на то, чтобы советский народ жил как можно лучше.

Со стороны населения мы также можем отметить, что сложившиеся условия во многом вынудили смириться с действиями правительства, поскольку общество не хотело новых потрясений.

Изучение проблемы реакции населения на денежную реформу 1947 г. в современных условиях необходимо для понимания того, что современное российское правительство использует для построения доверия к своим действиям. Как показывают реалии и расширение доступа к информации, то мы наблюдаем рост недоверия, чем доверия. Именно поэтому осознание опыта предшественников и поиск объединяющих маркеров для людей необходим для наиболее эффективного построения успешного государства.

Уверенность общества в действиях власти способствует снижению правонарушений в различных сферах общественной жизни, тем самым позволяет органам власти проводить более осмысленную политику, снижая риски социальных потрясений.

Грамотное выстраивание информационного пространства вкупе с демонстрацией заинтересованности в решении и содействии в решении проблем населения способствовало гармонизации отношений власти и общества. При этом стоит принять во внимание то, что парадигма отношений выстраивалась в партнёрском ключе, поскольку условия военного времени сблизили общество и власть. Здесь целесообразно сослаться на точку зрения Е.Ю. Зубковой: «Желания людей становились всё более непритязательными, а мечты военных лет о том, что после войны “всё будет много” и наступит счастливая жизнь, начали приземляться, девальвироваться» [3, с. 282]. Тем самым можно объяснить и сами формы реакции населения, которых удалось достичь.

Список литературы

1. Гоголева Е.Н. Особенности коммуникационных отношений власти и общества: теоретико-методологический аспект/Е.Н. Гоголева // Известия Тульского Государственного Университета. Гуманитарные Науки. – №1, 2008. С. 115–124.
2. Долгобородова Ю.Ю. Денежная реформа 1947 г. и её правовое обеспечение [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. М.; 2009. – № 4. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=13089586>
3. Зубкова Е.Ю. Сталин и общественное мнение в СССР: 1945 – 1953 гг. // Сталин и холодная война. М., 1998 С. 271–294.
4. Крысько В.Г. Секреты психологической войны. Минск: Харвест, 1999.
5. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения М., 2001. 195 с.
6. Рассадина Т.А. Доверие к средствам массовой информации в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов) / Т.А. Рассадина // Известия Высших Учебных Заведений. Поволжский Регион. Общественные Науки. – № 1, 2012. С.61–73.
7. Маслов И.В., Бакшеева Л.М. Имидж органов государственной власти в зеркале общественного мнения [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/baksheeva.pdf>
8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляции сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2009. 834 с.
9. Филипчук, И.В. Денежная реформа 1947 года: Подготовка и реализация на местах (на примере Горьковской области) [Электронный ресурс] // АНТРО. – Пермь; 2014. - № 1. С.105–115. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21164183>
10. Крокодил №1, 1948 С.5 рис. Л. Бродаты
11. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее ГОПАНО) Ф.30. Оп.1. Д.3300. Л.89
12. ГОПАНО Ф.30. Оп.1. Д.3300. Л.90
13. ГОПАНО Ф.3 Оп.1 Д.6320. Л.71.
14. ГОПАНО Ф.3. Оп.1. Д.6053 Л.225.
15. Там же Л.261.
16. Там же Л.248.
17. ГОПАНО Ф.30. Оп.1. Д.3439. Л.126.
18. ГОПАНО Ф.3. Оп.1. Д.6329. Л.34.
19. ГОПАНО Ф.3. Оп.1 Д.6329.Л.157.
20. ГОПАНО Ф.3. Оп.1. Д.6329.Л.162.

УДК 821.112.2

ОБРАЗ ГДР И ФРГ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

© 2014 г. *М.В. Бурханова*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

maria.burhanova@yandex.ru

Анализируются образы ГДР и ФРГ, особенности менталитета западных и восточных немцев в произведениях Гюнтера Грасса «Моё столетие», Йенса Шпаршу «Комнатный фонтан».

Ключевые слова: ГДР, ФРГ, «остальгия», «осси», «веси», Берлинская стена, Объединённая Германия.

Историческое прошлое Германии второй половины XX века нашло своё отражение в литературе. Прорабатываются новые образы, особенно интересен своей многогранностью образ Восточной Германии в современной немецкой литературе, что находит своё отражение и в работах исследователей [1; 2; 3; 4; 5]. Одной из насущных проблем становится вопрос противостояния или единства психологических портретов западного и восточного немца как в публицистической, так и в художественной литературе. В частности, этот вопрос поставлен в произведениях молодого писателя Т. Бруссига, а также писателей старшего поколения из бывшей ГДР - Й. Шпаршу, Г. Грасса.

Несмотря на актуальность этой проблемы, в трудах отечественных и зарубежных германистов она только намечена: работы носят информационный характер. Например, к проблеме создания в литературе нового образа ГДР обращается М. Потёмина [4]. В своей статье она разрабатывает термин «остальгия», относящийся к восприятию своего «прошлого» бывшими жителями ГДР. М. Потёмина приводит краткий анализ текстов немецких писателей, с помощью которых подтверждает мысль о том, что жизнь на Востоке осознаётся людьми неоднозначно. Это может быть слегка ироничным отношением к социальному режиму, а может, это действительно выражение чувства тоски по жизни в ГДР. Однако вывод статьи заключается в том, что

восточные немцы, обращаясь к образу ГДР в своих произведениях, рефлексиируют и тем самым справляются с переживанием утраты привычных ценностей.

После объединения тема ГДР разрабатывается немецкими писателями с новой стороны. Литературовед Д.А. Чугунов рассуждает, почему восточногерманское прошлое притягивает к себе взгляды, превращаясь в одну из наиболее популярных и востребованных проблем современной немецкой литературы [5]. ГДР продолжает существовать после падения Берлинской стены, теперь образ ГДР переосмысливается как Востоком, так и Западом. Люди, прожившие на Востоке, приобрели какой-то особенный опыт, отразившийся на их мировоззрении. Их поступки, оценки, ценности становятся недоступными для бывших жителей Запада, писатели улавливают это ощущение разделённости, непохожести и начинают выражать своё мнение по поводу различия в менталитете «осси» и «веси» в литературных произведениях [2, с.116-124].

При чтении романов Г. Грасса и Й. Шпаршу возникает ощущение, что жители бывшего Востока более богатого духовного склада, а жители бывшего Запада – это чопорные реалисты, для которых Восток – принципиально чуждая среда, с принципиально другой системой социализации [6, с. 47]. Исследование восточногерманского прошлого помогает правильно осмыслить западно-восточное немецкое противостояние и последствия объединения.

Жители Восточной Германии всегда стремились уехать на Запад. Люди шли на многочисленные жертвы, рисковали жизнью, строили грандиозные планы по проникновению в западную часть Германии. Очень подробно о желании «осси» оказаться по ту сторону Берлинской стены пишет Гюнтер Грасс в романе «Моё столетие»

(«Mein Jahrhundert», 1999), где создан образ многоликого героя-рассказчика. Начиная с главы «1947» показано отношение уже рефлексирующего жителя объединённой Германии к историческому прошлому страны. Чем было вызвано желание людей, оказавшихся в восточной части Берлина, по колено в нечистотах продвигаться через туннель... Или ползком, через другой туннель... [7, с. 196], а тех, кто осознал, что они на Западе, поднимать страшный шум от радости, само собой [4, с. 197]. Однако в литературе объединённой Германии прочитывается одновременно сожаление о прошедшем времени ГДР. «В этой связи в СМИ и критической литературе всё чаще упоминают слово «остальгия?» [4, с. 237]. В упомянутом романе Гюнтера Грасса, в романе Йенса Шпаршу «Комнатный фонтан»

(«Der Zimmerspringbrunnen», 1995) герои неоднократно вспоминают о жизни в ГДР с тоской. Они чувствуют себя ненужными, невостребованными в новом обществе. Несмотря на прошлое стремление вырваться «на свободу», восточные немцы говорят о ГДР с любовью: Пусть даже сегодня это навряд ли кого-нибудь задевает и вообще для всех без интереса, но я говорю себе: если вдуматься, это было твоё лучшее время. На тебя был спрос, ты был востребован [6, с. 35]. Писатели создают типичный портрет восточного немца, который потерял смысл жизни после объединения – человек, пытающийся справиться со своим горем с помощью бутылки пива. Такого персонажа мы встречаем в романе «Комнатный фонтан».

Нельзя сказать, что это результат невозможности возвращения к прежним временам, что это ностальгия по самому режиму, законам, атрибутам ГДР. Это тоска по времени, когда у людей была вера в светлое будущее, была впереди неизвестность, обещающая прекрасную жизнь. Люди мечтали создать свой мир, в котором нет войны, жестокости, социального неравенства и несправедливости. Восточные немцы стремились за пределы реальности, они с наслаждением наблюдают за освоением космического простран-

ства: Но мы, дети, об этом, конечно, ничего не узнали, потому что по телевидению всё лето показывали совершенно другое – высадку на Луне. И для нас <...> это было куда интересней, чем всякая там избирательная борьба [7, с. 229]. Жители ГДР, которые стремились на Запад, строили глобальные планы, у них была цель – преодолеть эту границу, стать частью свободного общества или просто увидеть родных, попасть в другой, интересный мир. После объединения все мечты рухнули вместе с Берлинской стеной.

Люди продолжали чувствовать разницу в мировоззрении бывших жителей Востока и Запада: Болдингер, бывший житель Запада, добавил что-то по поводу Берлинской стены, сказав, что её разрушить было гораздо проще, чем «стену в головах». [6, с. 78] Различия в менталитете немцев демонстрирует одна из глав романа «Моё столетие» Гюнтера Грасса, в которой прочитываются два разных подхода к одной проблеме. В Кройцберге неподалёку от пограничного перехода по мосту Обербаумбрюкке через Шпрее, разделявшему в этом месте обе части города, в реку упал пятилетний турецкий мальчик, которого не удалось спасти: на Западе никто не решился прыгнуть в воду, а на Востоке ждали приказа от старшего офицера [7, с. 253].

Восточные немцы чувствуют неполноценность своего существования, они видят безразличное отношение к ним жителей Запада. Жители Востока говорят о несправедливости такого отношения. У Гюнтера Грасса мы читаем письмо жительницы Востока к господам из Управления заводов «Фольксваген», в котором она пишет уже о неоднократном к ним обращении, при этом ни разу не получив ответа: Не оттого ли, что так сложилась судьба и мы проживаем теперь в Германской Демократической Республике? [7, с. 165]. Реплика о судьбе звучит и в романе «Комнатный фонтан» Йенса Шпаршу: Но волею судьбы вы оказались не там, где нужно, не в той стране, не в том обществе [6, с. 163]. Так говорит шеф западной кампании уже после объединения бывшему жителю Востока. Складывается впечатление, что как западные, так и восточные немцы считали тех, кто оказался в ГДР, неудачниками. Западные немцы относились к «осси» с сочувствием, где-то даже с пониманием, они выделяли их среди толпы, стремились изучить привычки, особенности.

Но лучше ли была жизнь в Западном Берлине? Его жителям некуда было стремиться,

они пользовались свободой во всём. Но иногда чрезмерная свобода действий портит жизнь человека. Так же она повлияла на многих жителей Запада. Поражает история, рассказанная западной немкой, о жизни её лучшей подруги. Всё началось после того, как девушки посетили первые дискотеки, продолжилось сигаретами, а завершилось тяжёлыми наркотиками. Более того, её подруга забеременела, собиралась выносить ребёнка, потом уже, из-за героина, она решила, что надо делать аборт [7, с. 236]. После этого она была отправлена в «терапевтическую деревню», где пытались снять с иглы первую группу наркотически зависимых [7, с. 237]. История девушки завершается печально: осознание возможности говорить свободно обо всём, а в действительности столкновение с границами дозволенного довели девушку до сверхдозы. У неё появилось невероятное желание написать о своей истории жизни в один из иллюстрированных журналов, где звёзды кино, известные женщины, делились опытом избавления от детей с помощью аборта. Но письмо из редакции журнала с отказом публикации девушка принять не смогла: Такой равнодушный бюрократизм! [7, с. 239]

В семейной жизни западных немцев не было гармонии, взаимопонимания, стремления находиться рядом. Каждый хотел быть самостоятельным, независимым от родителей. Люди видели наличие огромных возможностей самовыражения, продвижения по служебной лестнице, в их сознании нет никаких ограничений, запретов, нет ничего невозможного. От этого у них не возникает состояния эйфории, наоборот, настроение неопределённости: ничего особенного не происходило, разве что на экране телевизора царила суета. Один из рассказчиков в романе Гюнтера Грасса, житель Запада, спасался бегством в рукопись. Из его же истории мы узнаём о западно-восточных отношениях между усердными писателями, которые просто искали способ отвлечься от своей частной жизни, рассматривая события общественности. Рассказчик завершает повествование тем, что в Западном Берлине ни мира, ни лада в доме никогда не было [7, с. 251–254].

В главе «1949» книги «Моё столетие» рассказчик пишет о встрече на старости лет со своей первой любовью [7, с. 157]. Он – с Запада, она – с Востока. Два человека абсолютно разных взглядов, как может показаться сначала. Взрослели они одновременно, но по разным сторонам стены. После войны и

полутора лет колебаний девушка становится частью социалистического общества. Она воспринимает это как мучительный переход к антифашизму. Нельзя сказать, что Инга бездумно принимает законы нового общества, но она от него и не отказывается. Рассказчик, как один из многих персонажей немецкой литературы объединения, счастлив, что его занесло на Запад. Собственное взросление воспринимается им ущербнее, чем становление Инги на Востоке, но благоприятнее. На Западе он оставался свободен в своих действиях: коричневая рубашка была сброшена, но голубой взамен не выдали. По мнению жительницы Востока, главное не это, а вера во что-то, которая у неё и была, а жители Запада при капитализме утратили всё и всяческие идеалы. Гюнтер Грасс рисует встречу людей с разным мировоззрением, однако обращает внимание читателя не на это. В конце новеллы герои приходят к согласию. Прожив в разных обществах, испытывая влияние противоположных политических систем, они оба осознают, что итог абсолютно одинаковый: В какой-то момент у нас всё пошло наперекосяк [7, с. 160–161]. Гюнтер Грасс относит эту реплику и к «веси» и к «осси». Основная мысль автора заключается в том, что люди, независимо от социальной принадлежности, являются частью одной нации.

Если раньше, при национальном единстве, существовала и одна немецкая армия, то после разделения их стало две, и они теперь противостоят друг другу [7, с. 187]. Гюнтер Грасс подчёркивает, что разделены не люди, а государство. Жители Германии не перестают надеяться, что скоро они снова будут едины: Наше отечество разорвано. Этого захотели чужие власти. Остаётся надеяться, что в не слишком отдалённом времени национальное единство вновь будет восстановлено. И тогда, как в молодые дни, мы снова сможем бродить по Гарцу, и никакая граница нам в том не помешает [7, с. 187].

Во время разделения люди испытывают чувства раздвоения личности. В повествовании жителя Германии преобладают такие речевые обороты: ощущение, будто разрывают на части; чувствовал себя словно в контрастной ванне; я увидел себя, так сказать, расколотым [7, с. 250]. Это слова социал-демократа, который, смотря матч Германии против Германии, становится обычным патриотом единой страны. Итак, 1:0 в пользу Германии. Какой Германии? [7, с. 250]. Автор вновь акцентирует внимание на том, что разделение

страны в значительной степени было условным. Человек не мог абсолютно во всех жизненных ситуациях отнести себя либо к Западу, либо к Востоку. Независимо от того, где он оказался по воле случая, ощущение приобщённости к единой нации сохранялось.

Литература - один из способов выражения своего отношения к актуальным проблемам современного общества, отражение истории через призму субъективного взгляда. История Германии второй половины XX века не оставила равнодушными её жителей. Не только внешние атрибуты ФРГ и ГДР показывали различия двух частей Германии, отличалось и сознание людей, мировоззрение западных и восточных немцев.

Жители Востока постоянно рефлексировали, размышляют, наблюдают и делают выводы. Деятельные «веси», постоянно устремлённые вперёд, любознательные, предприимчивые, в то же время они не обладают таким богатым духовным миром, как «осси». Именно такие сложные характеры с неоднозначным взглядом на современность, на события прошлого интересуют немецких писателей. Одна из реплик героя романа «Комнатный фонтан» станет и завершающей в исследовании поставленной проблемы противостояния или единства психологического портрета западного и восточного немца: Наказание сво-

бодой или наказание тюрьмой – что хуже? [6, с. 157]. Вопрос остаётся открытым.

Список литературы

1. Шарыпина Т.А. «Мифический элемент» в драматургии объединенной Германии (Бото Штраус «Итака») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 2. С. 292–296.
2. Шарыпина Т.А. «Ифигения в Тавриде» Гёте на рубеже XXI века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2001. № 1. С. 116–124.
3. История зарубежной литературы XX века /под ред. Т.А. Шарыпиной. М.: Высшая школа, 2009.
4. Потёмина М. «Остальгия» в литературе объединённой Германии / Отв. ред. В. Грешных // Балтийский филологический курьер. Калининград: 2007. №6. С. 237–249.
5. Чугунов Д. Чем же было это «прошлое»? (о феномене ГДР в немецкой литературе 1990-х годов) / Отв. ред. В. Грешных // Балтийский филологический курьер. Калининград: 2007. № 6. С. 225–236.
6. Шпаршу Й. Комнатный фонтан. СПб.: Амфора, 2004. 224 с.
7. Грасс Г. Моё столетие. СПб.: Амфора, 2009. 350 с.

УДК 821.112.2

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНТИЧНОГО СЮЖЕТА
В ПЬЕСЕ Х. МЮЛЛЕРА «МЕДЕЯ-МАТЕРИАЛ»

© 2014 г. А. С. Фролова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
froenka@yandex.ru

Анализируется вневременной характер содержания античной трагедии и его переосмысление в контексте общественного сознания Германии на рубеже XIX - XX веков. Исследуется модернизация мифа в художественной практике Х. Мюллера.

Ключевые слова: античность, миф, Германия, драма, композиция, еврипидовский протосюжет, дидактический театр, Б. Брехт.

Пьесы на античные сюжеты - это далеко не новаторство в репертуаре немецких театров. Считается, что ещё со второй половины XVIII века «ведущие философско-эстетические концепции Германии определяет знаменательный психологический феномен: теории искусства и сами художники претендуют на прямое продолжение традиций Античности» [1; 2; 3]. Образы античности используются немецкими писателями XX века как универсальная модель, как духовная реальность, лишенная времени [3;4]. В разные эпохи в зависимости от характера современных процессов и катаклизмов, Античность воспринимается по-разному. Общественное сознание жителей Германии на рубеже XIX- XX веков было крайне политизировано объединением Восточной и Западной Германии. По-новому в это время переосмысляются прежде всего мифы Троянского цикла, мифы об Ифигении, мифы Одиссеи [1;2].

Известный немецкий драматург Х. Мюллер также часто выбирает для рецепции в своих произведениях античные образы и сюжеты, в частности один из наиболее сложных для сценической интерпретации образ Медеи. Отметим, что в это время сюжет о Медее не обделён вниманием великих и менее скромных авторов мировой литературы (в XX веке образ переосмыляется в произведениях Ж. Ануя, Х. Яна, Л. Улицкой; непосредственно в Германии в 1996 году появляется роман К. Вольф «Медея. Голоса»), о чём неоднократно писали исследователи

[5;6;7]. О востребованности сюжета свидетельствует и кинематограф: киноверсии Пазолини и Ларса фон Триера.

Уже название пьесы Х. Мюллера «Медея-материал» («Medeamaterial») подчёркивает её новаторский характер. Драма является незаконченной. Можно сказать, что это уникальный опыт Мюллера над источником, материалом, протосюжетом о Медее. Безусловно, оформление текста также выходит за рамки традиции.

По форме произведение Х. Мюллера представляет собой одноактную пьесу. Вся трагедия Медеи разворачивается в небольшом объёме драмы, она нагнетается от эпизода к эпизоду, от строчки к строчке, что соответствует специфике психологии переживаний человека. Монолог героини протекает на одном дыхании и одномоментно стихает, когда силы уже покидают Медею: у вас больше нет крови теперь всё тихо/ крики Колхиды тоже умолкли и ничего [8]. Таким образом, форма одноактной драмы предоставляет Мюллеру поле для экспериментов, она более мобильная и гибкая в освоении нового содержания, чем обычная.

Центральное место в композиции произведения занимает монолог Медеи, который составляет большую часть драмы. Так, Мюллер оставляет за Ясоном всего шесть односложных реплик (автора мало интересует психологическая мотивировка поступков героя). Монолог Медеи - это сплошной текст, не обрамлённый знаками препинания и не выдер-

жанный ни в одном их литературных размеров. Когда человек говорит на трудные для себя темы, он путается, часто неправильно строит фразы. Сбивчивая, хаотичная речь указывает на волнение, нервно-психическое напряжение, дисгармонию в душе (спасибо за твоё предательство/оно вернуло мне глаза/чтобы увидеть те картины что я видела Язон/ которыми ты нарисовал сапогами/ своей команды на моей Колхиде) [8]. Мюллер превращает речь Медеи в бессвязный разорванный фрагментарный поток. Текст утратил свою поэтическую кантиленность, но взамен у него появилась особая энергия, а у каждого слова – внеконтекстуальный смысловой объём. Х. Мюллер также прибегает к характерным для традиционной формы драмы ремаркам, списку действующих лиц. Таким образом, оформление текста создаёт впечатление, что перед нами словно вырванный из большого произведения материал без начала и конца (усиливается философский контекст произведения). Сама форма тонко отсылает нас к бесконечному вневременному духовному наследию античности.

История прочтения образа Медеи во многом предопределена уже в античности. Как свидетельствуют исследователи, от еврипидовской интерпретации трагического образа страдающей, любящей, мстящей героини «через известную фразу-характеристику Овидия "Medeae Medea forem" ("Медея - Медеей стану") к знаменитым репликам Сенеки - "Medea fiam" (перевод "Медеей стану" слишком слабо отражает её суть) и "Medea nunc sum" ("Медея с этих пор")», программирующим обращение с этим образом на многие столетия [5;6;7]. В большинстве интерпретаций Медея является перед нами преданной женой, мстящей за измену детоубийством.

Х. Мюллер не изменяет фабулу еврипидовского протосюжета. Автор выбирает наиболее психологический яркий отрезок из еврипидовской трагедии - последний диалог Медеи и Ясона.

Медея, узнав об измене мужа, твёрдо решает отомстить Ясону. По античным представлениям, человек, лишенный потомства, считается отверженным богами и людьми, так как дети являлись гарантией бессмертия для родителей, прежде всего для отца. Медея у Еврипида убивает будущую жену Ясона, чтобы лишить его будущих законных детей, но она понимает, что её удар будет более сильным, если погибнут те дети, которые уже есть у Ясона. Однако ей трудно решиться на такое

преступление, ведь она мать и страстно любит своих детей. Медея посылает во дворец отравленные подарки для жены Ясона вместе с детьми. Коринфский царь и его дочь гибнут в мучениях и разъярённая толпа ищет детей Медеи, с которыми она прислала свои дары. И только когда мать понимает, что ее дети обречены, она сама убивает их, разрешая таким страшным преступлением свои сомнения и страдания. В переложении Х. Мюллера мотивы для убийства детей изменены. Это, безусловно, также способ мести Ясону (сегодня день расплаты Язон [8]), но появляются дополнительные мотивы для такого страшного преступления. Дети для Медеи - это память о связи с Ясоном, которая теперь представляется ей унижительной и презренной (верните мне мою кровь из ваших вен/ верните ваши внутренности в моё чрево [8]). Медея готова убить своих сыновей, чтобы уничтожить надежды о будущем с Ясоном, явленном в детях. Таким образом, у Х. Мюллера нет столь ярко выраженной трагической внутренней борьбы героини, как у Еврипида, потому что к желанию жены отомстить мужу за предательство и обманутое доверие добавляется желание женщины освободить себя от горькой, оскорбительной памяти о связи с ним. Появляется и принципиально новый мотив, связанный с существующим социокультурным контекстом драмы. Медея обвиняет Ясона в том, что он лишил её родины (ты должен мне брата Язон[8] фраза повторяется 3 раза); убив своего отца и брата ради любимого, Медея разрывает связь со своей страной. Ясон лишил её всего. Теперь Медея не может позволить, чтобы чужбина стала для её детей их новой родиной (ассоциации с недавним объединением Восточной и Западной Германии). Медея «чужая» в стране, где правит Креон (может дать нам право жить в Коринфе или вышвырнуть в другую чужую страну) [8], у нее нет прав в этом обществе.

Таким образом, Мюллер модернизировал мотивы детоубийства Медеей. Ее преступление теперь - не только желание варварки отомстить, оно получает большее психологическое обоснование и большую связь с действительностью. О подобной возможности интерпретации сюжета о Медеи также писали исследователи [5;6;7].

В образе Медеи мы можем заметить и волнующую феминистскую проблематику [7;9].

Медея-варварка, свободная колхидская царевна, всё равно оказывается под властью

мужчины и зависит от него (три раза по пять ночей Язон/ты не требовал меня ни своим голосом/ ни голосом раба/ ни руками ни взглядом) [8]. Она проклинает за это природу, которая создала женщину заведомо слабее мужчины, (остаться животным которым я была/ когда мужчина ещё не сделал меня своей женой) [8]. Она не готова подчиняться, лучше бы ей остаться не женщиной и не мужчиной (я хочу расколоть мир на две части и жить в опустевшей середине) [8], но это невозможно. Таким образом, трагедия Медеи приобретает в условиях современности новый феминистический подтекст.

Другие образы в драме практически не разработаны. Х. Мюллер не вводит диалог Медеи и Креона, который лишь упоминается в монологе Медеи как властитель, способный решить ее судьбу, выгнать, вышвырнуть из страны (возможен политический контекст). Перед нами трагедия Медеи раскрывается еще и как трагедия гонимого и отчужденного человека, что было особенно злободневно в политической ситуации разделения Восточной и Западной Германии.

Ясон в трагедии Х. Мюллера как-то особенно жалок. Автор не предоставляет ему права оправдаться (Ясон у Еврипида объясняет, что женится на дочери Креона только ради благополучия Медеи и их детей). Эффект создают и особенности речи героев: речь Медеи отличается намеренной вульгаризацией слога (я твоя сука твоя потаскуха/ я ступенька на лестнице твоей славы/ вымазанная твоими испражнениями кровью твоих врагов)[8], что безусловно свидетельствует о её эмоциональном напряжении и переживаниях. Ясон лишь задает односложные вопросы (Чего ты хочешь, когда же это прекратится, кем ты была до моей жены) [8], а сам не дает ответов на восклицания и обвинения бывшей жены. Можно сказать, что перед нами тоже трагедия потерянного человека, готового в современных условиях ради собственной выгоды и благосостояния пойти на предательство самых близких.

Итак, произведение заканчивается однозначным решением Медеи убить своих детей; всё кругом затихает и монолог героини обрывается. Медея больше никогда не ответит на оклик Ясона (Кормилица знаешь ты этого человека) [8]. Произведение заканчивается резко, и по поводу дальнейшей судьбы Медеи никаких комментариев нет (большинство известных интерпретаций заканчиваются уходом Медеи из Коринфа). Пьеса осталась не-

законченной, и мы не знаем, какие аналогии с историческими катаклизмами минувшего столетия всплыли бы в ней ещё, если бы Мюллер дописал её до конца.

Таким образом, как видно из вышесказанного, внесенные Х. Мюллером изменения в еврипидовский протосюжет, «актуализируют вневременной пафос античной трагедии, приближают её к современному зрителю» [10], что безусловно соответствует новой дидактической цели театра, заявленной Б. Брехтом («Новая цель означена — педагогика») [11], продолжателем традиций которого и является Х. Мюллер.

Список литературы

1. Шарыпина, Т.А. "Мифический элемент" в драматургии объединенной Германии (Бото Штраус «Итака») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 2. С. 292–296.
2. Шарыпина, Т.А. «Ифигения в Тавриде» Гёте на рубеже XXI века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2001. № 1. С. 116–124.
3. Шарыпина Т.А. Миф как смыслопорождающая модель в литературном сознании Германии второй половины XX века // Модели в современной науке: единство и многообразие/ Сборник научных трудов. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2010. С. 427–432
4. Шарыпина Т. А. «Что остается...»: «мифический элемент» в литературе ГДР // История зарубежной литературы XX века. М. 2009. С. 427–442.
5. Шарыпина Т. А. Том Ланой «Мама Медея»: бельгийский вариант в немецком контексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2006. № 1(7). С. 7.
6. Шарыпина Т.А. Русская Медея в европейском контексте» // Сборник материалов I межвузовской научно-практической конференции. Н. Новгород: НГПУ, 2005. С. 156
7. Ивлиева П.Д. Сюжет о Медее в романах Л. Улицкой «Медея и её дети» и К. Вольф «Медея. Голоса» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1–2. С. 68–72.
8. Мюллер Х. Медея-материал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.theatre-library.ru/files/m/myuller_hayner/myuller_hayner_3.doc (дата обращения: 05.03.2013).

9. Ивлиева П.Д. Феминистская литературная критика и феминистская критика языка (к проблеме определения понятия и явления) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1–2. С.112–116.

10. Шарыпина Т.А. К проблеме "отчуждения" принципов "аристотелевского" теат-

ра в художественной практике Б. Брехта // Вестник нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2005. № 1. С.8

11. Бертольд Брехт. Теория эпического театра [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.ru/INPROZ/BREHT/breht5_2_1.txt (дата обращения: 21. 03.2013).

УДК 519.5

ПОНЯТИЯ «ТРАДИЦИЯ» И «ИННОВАЦИЯ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

© 2014 г. Т.А. Белова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

tatsbel2014@gmail.com

В статье рассматривается, какое содержание имеют понятия «традиция» и «инновация» применительно к современному корейскому обществу в целом и к системе образования в частности, каковы исторические предпосылки формирования содержания этих понятий.

Ключевые слова: Республика Корея; Южная Корея; система образования; конфуцианство; традиция; японская оккупация; модернизация; инновация.

Современный мир предъявляет к человеку очень высокие требования. В условиях глобализации и сформировавшегося информационного пространства, человек должен обладать такими качествами, как мобильность, высокая скорость поиска информации и ее обработки, навыками владения современными техническими средствами, высокоразвитыми интеллектуальными и творческими способностями, умением быстро принимать решение, исходя из конкретных условий. Однако все вышперечисленные умения и навыки не появляются у человека в одночасье, а формируются в процессе воспитательной и образовательной деятельности. И большую роль здесь играет то, в каких условиях проходит становление человеческой личности. Именно поэтому во всех развитых странах, начиная с 90-х годов прошлого века, идет процесс поиска и выработки такой формы и содержания учебного процесса, которые позволили бы гражданам этих стран обладать всеми необходимыми качествами. А это, в свою очередь, обеспечит высокое развитие научных технологий и, как следствие, конкурентоспособность страны на международной арене.

Для стран Восточной и Юго-Восточной Азии модернизация образовательного процесса связана, прежде всего, с поиском собственных путей развития, сочетающих как культурную самобытность, так и заимствование западных институтов. Различные исследователи не единодушны во мнениях о сочетаемости восточноазиатской культуры и западных

образовательных моделей, о возможности баланса традиционного и современного в период кардинальных изменений системы образования. В связи с этим опыт Южной Кореи представляется весьма интересным, поскольку здесь представлена специфика применения западной модели системы образования при сохранении традиционных конфуцианских ценностей.

Исследователи Восточной и Юго-Восточной Азии подчеркивают, что основанная на конфуцианских устоях цивилизация в данном регионе, частью которой является и Корея, в высшей степени традиционна. Так, Толстокулаков И.А. отмечает, что ей присущи такие черты, как корпоративность, групповая идентичность, государственный патернализм, страх перед социальным хаосом. То есть, говоря о традиции в Республике Корея, мы, в первую очередь, будем говорить о традициях конфуцианства [1].

Конфуцианство, имея своей родиной Китай, довольно быстро нашло своих последователей по всей Азии. Ким Г.Н. в своей работе «История религий в Корее. Конфуцианство» приводит мнение самих китайцев о том, что корейцы из всех народов, перенявших данное учение, являются самыми «благочестивыми», следуя канону даже более строго, нежели сами потомки Конфуция [2]. Появившись в Корее на рубеже эр, конфуцианство продолжает быть частью массового сознания и по сей день. Такая долгая жизнь этого учения объясняется наличием покров-

вительства со стороны царствующих династий в разное время. Двадцатый век в этом смысле представляет собой огромную лакуну. Конфуцианство, что называется, было отпущено в свободное плавание, без какой-либо государственной поддержки. Более того, со стороны властвующих структур начинают внедряться совершенно иные идеи. Сначала японское колониальное господство, а после Второй мировой войны внедрение демократических общественных идеалов изменили положение конфуцианства в обществе. Также на протяжении двадцатого века усиливается в Корее (во второй половине XX века имеется в виду Республика Корея) влияние христианских вероучений. По данным всеобщей переписи населения, проводившейся в Республике Корея в 2005 году, последователями конфуцианства считают себя только 0,4% (6 место) от общего числа верующих [3]. Другой вопрос – исчезло ли конфуцианство в Корее как способ мыслить и действовать? Шабшина Ф.И., которая несколько лет провела в Корее, подчеркивает, что корейцы любят рассказывать о передаваемых из поколения в поколение нравах, образе жизни, культурных традициях [4], в чем, безусловно, проявляется одна из главных черт конфуцианского учения – уважение обрядов и строгое следование им.

Это пример полувековой давности. Но если мы перенесемся в современное корейское общество, то и здесь мы найдем немало свидетельств того, что конфуцианская традиция до сих пор во многом определяет ментальность корейцев. И наиболее ярким примером может служить ситуация марта 2004 года. Дело в том, что в это время в Республике Корея Национальным собранием была начата процедура импичмента в отношении президента Но Мухёна. Его обвиняли в нарушении закона о выборах и неспособности управлять государством (полноценно осуществлять политику правительства). Однако, в то время, как большинство политиков выступило против действующего президента, народ выступил в его поддержку. В центре Сеула каждый вечер устраивались «демонстрации со свечами», участники которых призывали отменить процедуру импичмента и распустить не оправдавшее доверия народа правительство. Таким образом, процедура импичмента не только не снизила уровень поддержки президента большинством населения, но даже вызвала рост его популярности. В мае того же года Но Мухён был полностью оп-

равдан и вернулся к исполнению своих обязанностей [5].

В этой ситуации со всей очевидностью проявилось стремление простых граждан Республики Корея к порядку, уважение к власти, страх перед социальным хаосом, который могла вызвать смена президента. И в этой же ситуации можно увидеть желание сконцентрировать свои представления о монархической власти на фигуре президента.

Верхней границей существования исконного корейского образования можно считать 1910 год, когда страна оказалась под колониальным управлением Японии. На тот момент, как отмечает Ким Г.Н., в Корее назрела необходимость реформирования всех сфер жизни, в том числе и системы образования. Однако слабость власти вследствие целого ряда причин не позволили Корее спокойно решать свои внутренние проблемы.

Последними значительными преобразованиями в области просвещения в XIX веке становятся реформы года «кабо» (1895 г.). Были внесены изменения в структуру учреждений, ведавших разными отраслями просвещения в Корее: палата церемоний (Йеджо) была упразднена – вместо нее создавался департамент просвещения (Хакпу амун), который вскоре был переименован в министерство просвещения (Хакпу). Был отменен государственный экзамен (квато) для получения должности чиновника, внедрялась практика отправки образованных людей в другие страны для получения образования, была проведена унификация учебников для начальных школ. И именно в рамках этих реформ был поставлен вопрос об изменении содержания образования. Было признано, что старый, чисто конфуцианский подход не соответствует современным реалиям корейской действительности. Подчеркивалось недостаточное получение в корейских учебных заведениях знаний, имеющих практическое значение и применение.

В феврале 1895 года был издан специальный указ «Об установлении государственного образования» («Кёюк ипкуксо»). На его основе был составлен ряд положений, содержащих уже конкретные меры по регламентации таких вопросов, как подготовка кадров преподавателей, открытие нового педагогического училища, правила деятельности иностранных школ, устав и программы начальных, средних, специальных школ.

Однако, если оценивать реальное влияние этих законодательных инициатив на из-

менения в системе просвещения Кореи данного периода, нужно признать тот факт, что во многом они так и остались нереализованными на практике вследствие целого ряда причин. Назовем несколько главных.

Во-первых, было значительное сопротивление в обществе со стороны консервативных сил, поддерживающих традиции конфуцианского воспитания и образования. Кроме того, не добавляло популярности принятым постановлениям и то, что они были, по сути, инициированы японскими представителями во властных структурах Кореи.

Во-вторых, реализация предложенных нововведений требовала значительных финансовых затрат, в то время как казна испытывала хронический дефицит.

В-третьих, реализация названных мер территориально ограничивалась только столичной провинцией Кёнги.

В-четвертых, существование сопротивления внутри правящих сил, которое тормозило проведение реформ [6].

Таким образом, на момент начала японской оккупации система образования Кореи оставалась по большей части традиционной. Если говорить о традиционном корейском образовании, то, как мы видим, оно во многом определялось именно конфуцианскими нормами [7].

Прежде чем переходить к поиску источников инноваций в системе образования Южной Кореи, определим, что же означает термин «инновация» применительно к образованию.

Понятие «инновация» имеет междисциплинарный характер и является одним из самых популярных в современных социальных исследованиях. В переводе с латинского языка оно означает «обновление, новшество или изменение». Понятие «инновация» впервые было использовано в исследованиях культурологов в XIX в. и означало введение элементов одной культуры в другую.

В контексте системного подхода «инновация» определяется как целенаправленное изменение в функционировании системы, причем в широком смысле это могут быть качественные и (или) количественные изменения в различных сферах и элементах системы [8]. При исследовании нас в большей степени будут интересовать такие инновационные изменения, как инновационные образовательные среды, социокультурные условия, качественно новые решения в структуре образовательной системы и управленческих механизмах.

Возвращаясь к предмету нашего разговора, отметим, что в период с 1910 по 1945 гг. Корея находилась в состоянии колониальной зависимости. В связи с этим дальнейшие изменения в образовании связаны с деятельностью японских колониальных властей.

Основной задачей колониальной администрации в области образования стало создание условий для культурной и национальной ассимиляции корейского населения через систему начальных и средних учебных заведений. Сразу после аннексии Кореи в 1910 г. власти приступили к демонтажу созданной национальной системы образования, повсеместно закрывались школы с преподаванием корейской письменности, истории и культуры, в связи с общей колониальной политикой были пересмотрены учебные программы. Главной задачей образования стало воспитание у корейцев послушания и покорности, верноподданнических настроений по отношению к японскому императору. В начальной школе было введено преподавание на японском языке, а за использование родного языка в общественных местах, в том числе в школах, налагались штрафы [9].

В 1911 г. было принято специальное распоряжение о системе образования в Корее, в соответствии с ним закрылись практически все частные школы, преимущественное развитие получили государственные учебные заведения двух категорий: начальные, дающие минимальную подготовку, основанную на использовании японских учебных программ и японского языка, и профессионально-технические, обеспечивающие колонию квалифицированной рабочей силой и обслуживающим персоналом в промышленности. Причем в специальных школах учились преимущественно дети обосновавшихся на полуострове японцев, корейцам же путь туда был практически закрыт.

После антияпонских волнений 1919 года, система образования была несколько реформирована: с рядом ограничений стала допускаться деятельность частных школ («содан») в сельской местности, возникла возможность организации учебных курсов и вечерних заведений для горожан. Новые формы образовательной деятельности позволяли приобщать молодежь к национальной культуре, поддерживать её знание корейского языка, воспитывать в патриотические настроения, но всё это делалось исключительно на нелегальной основе [10].

В 1930-х гг. превращение полуострова в

военно-стратегический плацдарм для агрессии на Азиатский материк потребовало усилить образовательную деятельность в Корее, поэтому японские власти увеличили сеть начальных и ремесленно-технических школ, уделили внимание начальному образованию девочек, способных стать дешевой и квалифицированной рабочей силой. В таких условиях возросла потребность в корейцах-преподавателях, и появились первые педагогические училища [11]. В 1940-е гг. техническое образование выходит за рамки элементарных ремесленных школ, возникали реальные и технические училища, машиностроительные, горные и другие отраслевые курсы; их выпускники получали неплохую профессионально-техническую подготовку и составляли основу технической интеллигенции, занявшей средние должности в промышленном и даже управленческом секторах [12].

В колониальный период высшее образование для корейцев было доступно только в гуманитарной сфере, однако и здесь наблюдалась дискриминация по национальному признаку. Крупнейшим вузом страны стал Сеульский университет, но в действительности поступить в него могли лишь японцы, окончившие специальные школы, студентов корейцев здесь было очень мало. Богатые и влиятельные представители корейского общества нередко отправляли детей на обучение в Японию, там они получали доступ в высшие учебные заведения технического и коммерческого профиля, однако финансовые затраты, пренебрежительное отношение окружающих и отсутствие перспектив для профессиональной карьеры - всё это снижало интерес корейской молодежи к учебе за рубежом [13].

На момент освобождения страны в 1945 г. на юге полуострова насчитывалось 3.037 начальных и 394 средних школы, 21 среднее специальное и высшее учебное заведение, включая университеты. В начальной школе учились примерно 1 млн. 370 тыс. человек, в средней - около 800 тыс., в высших и средних специальных учебных заведениях - 2,4 тысяч [14]. После освобождения в Южной Корее наблюдался быстрый рост числа школ и учащихся. Число начальных школ к 1955 г. увеличилось до 4.205, а к 1966 г. - до 5.274; таким образом, каждые десять лет появлялось около тысячи новых школ начальной ступени. К началу 1970-х гг. их количество превысило 6 тыс., а в 1986 г. достигло максимального показателя 6.535 и в настоящее время составляет около 6 тысяч.

В состоянии средней школы наблюдается сходная картина: за десять лет число школ увеличилось более чем в 4 раза и к 1954 г. составило 1.301; к 1971 г. количество школ увеличилось еще в 2 раза и составило 2.692. К 1999 г. насчитывалось 4.684 школы (из них 2.741 школа средней ступени и 1.943 школы повышенной ступени), что почти в 12 раз превышает показатели 1945 г. Число высших учебных заведений к 1999 г. достигло 354, а аспирантуры - 676 [15].

Введение системы бесплатного начального образования планировалось стихийно созданными осенью 1945 г. органами самоуправления, а уже 24 января 1946 г. департамент по делам образования при Военной администрации США в Корее (ВАК) принял план внедрения обязательного начального образования, 30 ноября 1946 г. было вынесено соответствующее решение оккупационных властей [16]. Однако реальные шаги по созданию системы бесплатного образования начались лишь 10 марта 1948 г. с отменой платы за обучение в начальной школе («гунмин хаккё»). Этим же постановлением в каждом уезде Южной Кореи были созданы Советы по внедрению обязательного начального образования, несколько увеличилось финансирование образовательной сферы [17]. ВАК также решила направить на внедрение обязательного начального образования 68% средств, выделенных на нужды просвещения в 1946 году. Несмотря на профинансированное властями строительство, из-за резкого роста количества учащихся ощущалась явная нехватка школьных зданий и помещений [18]. В результате в течение трехлетнего администрирования ВАК (1945 - 1948 гг.) начальное образование в Южной Корее не только не стало бесплатным, но и не достигло уровня всеобщего.

Создание национального правительства не решило проблемы, однако власти Республики Корея обеспечили соответствующую нормативно-правовую основу. В конституции, принятой 17 июля 1948 года, провозглашалось обязательное бесплатное образование при равных возможностях. Конституционная норма была закреплена в Законе об образовании 1949 года, где также шла речь о системе обязательного начального образования и признавалась необходимость введения специального налога для пополнения её финансовой базы [19].

Для реального воплощения провозглашенных законом принципов в первую очередь

требовались финансы. Начальная школа нуждалась в новых зданиях, оборудовании и, конечно же, в преподавателях. В конце 1949 г. существовавших на тот момент школ явно не хватало, поэтому ученикам приходилось заниматься в две смены (как тут не вспомнить, что подобная ситуация существует в России и по сей день). Каждый год строилось по 2.728 новых школьных зданий, однако для полного обеспечения потребности в начальных школах понадобилось бы ещё шесть лет. Правительству не хватало финансовых средств для развития сети школ. В 1950 г. 74% бюджета, выделенного на нужды просвещения, ушло на внедрение обязательного образования, но это составило менее трети необходимой суммы. В подобной ситуации недостаток государственных средств, необходимых на строительство и содержание зданий, покрывался за счет родителей [20].

Несмотря на финансовые затруднения, министерство образования и культуры Республики Корея приняло шестилетний план по внедрению обязательного образования и 1 июня 1950 года приступило к его осуществлению, однако выполнение плана было приостановлено из-за начавшейся вскоре войны и возобновлено только в июне 1952 года. В 1953 году примерно 63% общего бюджета Министерства образования и культуры ушло на финансирование плана. Доля бюджета, приходившаяся на внедрение системы обязательного образования, неуклонно росла и в 1960 году составила 81%. Однако средств по-прежнему не хватало, и начальная школа продолжала существовать за счет поддержки со стороны родителей и попечительских комитетов.

К 1965 г. почти 100% детей из соответственной возрастной категории поступали в начальную школу; это означало, что начальное образование в РК приобрело всеобщий характер [21].

К 1968 г. первые представители поколения завершили начальное образование, и страна столкнулась с новым социально-демографическим явлением, получившим название «экзаменационная горячка». Министерство образования и культуры в 1969 году ввело новую систему перехода из начальной школы в среднюю, отменив вступительные экзамены. Целью реформы стала ликвидация разной степени популярности средних школ, и, как следствие - условий для возникновения «экзаменационной горячки», связанной с желанием поступить в элитное учебное за-

ведение. С исчезновением рейтинга средних школ по степени престижности увеличилось количество поступающих в ранее непопулярные заведения, считавшиеся «второсортными» [22].

Успешно справившись с проблемой «экзаменационной горячки» при переходе из начальной в среднюю школу, власти через три года снова столкнулись с тем же явлением, но на этот раз - при поступлении её выпускников в среднюю школу повышенной ступени. Правительство провело реформу средней школы повышенной ступени; к 1974 году была проведена полная стандартизация школ повышенной ступени, отменены экзамены, которые раньше проводились каждой школой отдельно. Была внедрена система единого экзамена, а конкретная школа, в которой абитуриенту предстояло учиться, выбиралась методом лотереи. Результаты двух реформ, определявших новые правила перехода на следующий этап обучения, привели к исчезновению элитных школ и повышению общей доли детей, продолжающих учебу в средней и средней повышенной школах. Так, в 1974 г. число учеников средней школы повышенной школы составляло 980 тыс. человек, а в 1983 г. - уже 2 млн. В 1989 г. оно достигло максимума в 2,37 млн. и начало постепенно снижаться [23].

С помощью администрирования школьного обучения всех ступеней к середине 1970-х гг. правительству Республики Корея удалось справиться с целым рядом проблем, однако принятых мер было недостаточно для придания среднему образованию всеобщего характера. Главная причина вновь заключалась в отсутствии финансов, власти не могли удовлетворить насущные потребности средней школы. Более того, средства на строительство и содержание новых школ поступали, преимущественно, из частного сектора. В условиях хронической нехватки бюджетных фондов в РК сохранялись частные школы и практика перенесения на семью части затрат, связанных с обучением детей. Данная система не менялась с 1945 г., при этом на семью, то есть на частный сектор, приходилось около 80% затрат, связанных со средним образованием. Примечательна ситуация, сложившаяся в 1950 г., когда почти весь бюджет средней школы был обеспечен Ассоциацией преподавателей и родителей [24].

Таким образом, расширение сети школ средней и средней повышенной ступеней достигалось за счет средств родителей и част-

ных учебных заведений. Намеченные реформой средней школы цели были достигнуты в 1980 - 1990-х гг., когда в среднюю школу поступали до 100% выпускников начальной ступени (1985 г.), а 97,3% учащихся средней школы переходили на её повышенную ступень (1999 г.). Это дает нам основания утверждать, что система среднего образования в Южной Корее приобрела всеобщий характер.

Одним из важнейших мероприятий на пути создания современной системы образования в РК стало принятие Хартии национального образования в конце 1968 года, акцент в которой был сделан на философскую и правовую основу учебного процесса. Перед системой образования были поставлены специфические задачи: помочь людям обрести чувство национального единства; привить молодежи уважение к отечественной истории и историко-культурным традициям; вдохновить граждан РК на творческие начинания; культивировать стремление к всеобщему благосостоянию; способствовать восстановлению национальной мощи; обеспечить оптимальное сочетание традиций и современности; способствовать гармонизации интересов и потребностей личности и нации в целом [25].

В Хартии были воплощены принципы, заложенные в Конституции южнокорейского государства ещё в 1948 г., в соответствии с которыми на всех граждан РК возлагалась ответственность дать своим детям образование. Кроме того, Основной закон провозглашал, что граждане: имеют равные права на получение образования в соответствии со своими способностями (эта конституционная норма дожила в неизменном виде до наших дней); обязаны предоставить находящимся на их иждивении детям возможность получить начальное шестилетнее образование, предусмотренное законом в качестве обязательного и бесплатного; имеют право на получение непрерывного образования в течение всей жизни.

Принятие Хартии национального образования диктовалось не только необходимостью дальнейшего развития системы просвещения. Начавшаяся в середине 1960-х гг. под общим руководством президента Пак Чон Хи ускоренная экономическая модернизация потребовала установления «четкой последовательности общественно-политических и социальных приоритетов» [26]. В южнокорейском

обществе 1960 – 70-х годов прослеживалась тенденция к достижению прогресса за счет традиционных ценностей, наблюдалась диффузия национальной традиции под натиском западной культуры и технических достижений. Такое нарушение привычной для конфуцианской системы связи времён могло привести к смешению и даже потере собственных ценностных ориентиров. Новая ситуация потребовала разработать философскую основу для осуществления коренной модернизации корейского общества, учитывающую цели национального обновления при одновременном сохранении традиционных ценностей [27]. В таком общественно-политическом контексте и следует понимать роль и значение Хартии, направленной на пересмотр идеалов и целей образования, сложившихся в Корее к середине XX века.

В целом Хартия сохраняла конфуцианский по своей природе подход к просвещению и высшей школе как основу государственной политики в области образования. Однако в ней прослеживается нехарактерный для предшествовавшего периода прагматичный подход к образованию, признающий его ключевую роль в деле экономического развития и национального процветания [28].

Завершая краткое рассмотрение истории становления современного южнокорейского образования, отметим следующее.

В период японской колонизации в стране впервые была создана единая система образовательных учреждений, введено всеобщее начальное образование, появились образовательные учреждения для женщин, сделан упор на практико-ориентированное образование. Однако доступ на верхние ступени образования был для корейцев закрыт, а над страной нависла угроза потери национальной идентичности, поскольку система образования решала вопрос об активном замещении корейских атрибутов культуры японскими.

После освобождения страны американское военное правительство провело в стране реформу образования. Однако все тяготы по ее реализации легли на плечи местного населения. До периода VI республики в целом была создана внушительная система образования, сочетающая в себе традиционные и инновационные элементы. Функционирование этой системы позволило стране за короткий промежуток времени подготовить поколение специализированных кадров.

Список литературы

1. Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI республики: Дисс...канд. ист. наук: 07.00.03 / И.А. Толстокулаков. Владивосток, 2000. 378 с.
2. Ким Г.Н. История религий в Корее. Конфуцианство [Электронный ресурс] // Корея и корейцы [сайт]. 2006–2012. URL: http://www.worldlib.ru/k/kim_o_i/ch1rtf.shtml (11.01.2012).
3. Религии в Республике Корея [Электронный ресурс] // KBS World [сайт]. 2009. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_newissue_detail.htm?No=1547.
4. Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940-1945): Записки и размышления очевидца / Ф.И.Шабшина. М.: Наука, 1992. С.125.
5. Курбанов, С.О. История Кореи. С древности до начала XXI века / С.О.Курбанов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009. С. 369.
6. Ким Г.Н. Положение Кореи во второй половине 19 – начала 20 века и система просвещения // Корея и корейцы [сайт]. URL: http://www.worldlib.ru/k/kim_o_i/ch1rtf.shtml
7. Ланьков А.Н. Конфуцианские традиции и образование [Электронный ресурс] // Globus [сайт]. 2004-2008. URL: <http://www.e-globus.ru/info/480.html> (10.12.2011).
8. Mason Edward S., et al. The economic and social modernization of the Republic of Korea / Edward S. Mason. Cambridge: Harvard University Press, 1980. P. 17.
9. Пак Б.Д. Освободительная борьба корейского народа накануне первой мировой войны / Б.Д.Пак. М.: Наука, 1967. С. 34.
10. Гринюк В.А. Столетие аннексии Кореи [Электронный ресурс] // Независимая газета [сайт]. 1997-2011. URL: http://www.ng.ru/courier/2010-09-06/9_korea.html (08.12.2011).
11. Третий указ об образовании в Корее 1938 г. [Электронный ресурс] // Государственный архив Республики Корея [сайт]. 2001. URL: <http://contents.archives.go.kr/next/content/listSubjectDescription.do> (18.01.2012).
12. Четвертый указ об образовании в Корее 1943 г. [Электронный ресурс] // Государственный архив Республики Корея [сайт]. 2001. URL: <http://contents.archives.go.kr/next/content/listSubjectDescription.do?id=008024> (18.01.2012).
13. Штефан, Евгений. Корейский учебный: «Японская колонизация – это Божий дар Корее?» [Электронный ресурс] // Сеульский вестник [сайт]. 2005. URL: <http://vestnik.kr/scandal/1060.html> (25.11.2011).
14. Schools, students, teachers and clerical staffs [Электронный ресурс] // Ministry of education, science and technology [сайт]. 1998–2008. URL: http://english.mest.go.kr/web/1722/site/contents/en/en_0219.jsp (15.01.2012).
15. Schools, students and teachers by year [Электронный ресурс] // Ministry of education, science and technology [сайт]. 1998–2008. URL: http://english.mest.go.kr/web/1721/site/contents/en/en_0221.jsp (15.01.2012).
16. Mason Edward S., et al. The economic and social modernization of the Republic of Korea / Edward S. Mason. Cambridge: Harvard University Press, 1980. P. 45.
17. Schools, students, teachers and classes and departments by metropolitan area and province [Электронный ресурс] // Ministry of education, science and technology [сайт]. 1998–2008. URL: http://english.mest.go.kr/web/1721/site/contents/en/en_0220.jsp (15.01.2012).
18. Building, school grounds, gym per student [Электронный ресурс] // Ministry of education, science and technology [сайт]. 1998–2008. URL: http://english.mest.go.kr/web/1721/site/contents/en/en_0223.jsp (15.01.2012).
19. Hinton Harold C. Korea under new leadership: The First Republic / Harold C. Hinton. New York: Praeger, 1983. P. 234.
20. Пак Хи Су. Политика государств Корейского полуострова в области образования (Сравнительный анализ) : Дисс...канд. полит. наук: 23.00.02 / Хи Су Пак. Владивосток, 2005. С. 127.
21. Schools, students and teachers by year [Электронный ресурс] // Ministry of education, science and technology [сайт]. 1998–2008. URL: http://english.mest.go.kr/web/1721/site/contents/en/en_0221.jsp (15.01.2012).
22. Mason Edward S., et al. The economic and social modernization of the Republic of Korea / Edward S. Mason. Cambridge: Harvard University Press, 1980. P. 54.
23. Schools, students and teachers by year [Электронный ресурс] // Ministry of education, science and technology [сайт]. 1998–2008. URL: http://english.mest.go.kr/web/1721/site/contents/en/en_0221.jsp (15.01.2012).
24. Ко Енг Чоль. Специфика социального образования в Южной Корее [Электронный ресурс] // Кореана [сайт]. 2003–2009. URL: http://www.koreana.or.kr/months/news_view.asp?b_idx=848&lang=ru&page_type=list (10.11.2011).

25. Лим Э.Х. Тенденции развития общеобразовательной школы Республики Корея (1945-2005 гг.) : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Э.Х.Лим. Москва, 2006. 169 с.

26. Пак Чон Хи. Возрожденная Корея: модель развития [Электронный ресурс] // Электронная библиотека TheLib.Ru [сайт]. 2001. URL:http://thelib.ru/books/chonhi/vozrozhdannaya_koreya_model_razvitiya-read.html (14.02.2012).

27. Осадчая Д.Н. Корея между Западом и Востоком: контакты цивилизаций и их последствия (XIX-XX вв.): Автореферат кандидатской диссертации / Д.Н. Осадчая. Краснодар, 2006. 56 с.

28. Марков В.М. Республика Корея. Традиции и современность в культуре второй половины XX века. Взгляд из России / В.М. Марков. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. С.142.